

Берегись, ибо я бесстрашен и потому силен.

Мэри Шелли. «Франкенштейн»

ПРОЛОГ

РЕЙЧЕЛ СИДЕЛА за столом, сложив ноги по-турецки и упершись коленями в край столешницы. Она просматривала страницы Википедии в поисках информации о Нелли Блай, исторической личности, о которой должна была писать статью, но взгляд рассеянно бегал по строчкам. Дело не в том, что читать о Нелли Блай было неинтересно; Рейчел привлекала деятельность любого крутого журналиста с громким именем. Но вокруг было слишком много отвлекающих факторов.

Spotify* протрубил последний сингл Тейлор, и как только Рейчел откладывала телефон, намереваясь начать читать о Нелли, раздавался сигнал о новом сообщении от Эми, которое приходилось просматривать. Вот как сейчас.

«Интересно, что он сейчас делает? Мы должны пойти к его дому и разнюхать».

«Я не собираюсь его преследовать», — ответила Рейчел и на этот раз действительно отложила телефон.

* Интернет-сервис потокового аудио, позволяющий легально прослушивать музыкальные композиции, аудиокниги и подкасты, не скачивая их на устройство. (Здесь и далее прим. пер.)

Но даже погрузившись в чтение интересной биографии Нелли, Рейчел витала мыслями где-то далеко.

Она не собиралась шпионить, но... *что же* он сейчас делает? Гуляет с друзьями, или играет в видеоигры, или старательно выполняет домашнее задание, чем следовало бы заняться и ей самой? Как бы то ни было, Рейчел не сомневалась, что он определенно не думает о ней. Он едва ли знал о ее существовании. Ну, если не считать того, что сегодня утром у них состоялся, типа, вполне реальный разговор. Это длилось не более трех минут, но все было по-настоящему. И они улыбались друг другу. Обменялись улыбками.

При мысли об этом Рейчел усмехнулась. И, несмотря на то что ее никто не мог увидеть, она спрятала свое по-дурацки счастливое, покрасневшее лицо в ладонях.

Ее телефон яростно запищал, уведомляя о потоке новых сообщений, и Рейчел взяла его, почти забыв о Нелли Блай.

«Тебе он нравится!!!» — писала Эми.

«Ты его любишь!!!»

«Ты хочешь от него бебиков!!!!!!!»

Рейчел застонала и швырнула телефон на кровать, а затем сунула его под подушку. Она не хотела от него «бебиков» и ни в коем случае не должна была рассказывать Эми о своем увлечении. Пора возвращаться к Нелли. Рейчел выпрямилась, поправляя ноутбук, как будто все зависело от правильного угла наклона экрана.

Упорно стараясь игнорировать сигналы телефона, Рейчел краем глаза заметила кого-то за ок-

ном. Ее стол располагался вплотную к окну, откуда открывался вид на лужайку перед домом. Не было ничего необычного в том, что кто-то прогуливался по улице, но Рейчел жила на окраине, а время уже перевалило за девять часов вечера. После девяти здесь никто не гуляет.

Но даже не это заставило Рейчел насторожиться. Дело было в том, что этот человек стоял перед ее домом, неподвижный как статуя. На нем были темные брюки и черная куртка, и хотя его лицо не удавалось хорошенько разглядеть, оно казалось Рейчел необычайно бледным.

По рукам Рейчел поползли мурашки, хотя она сама не понимала почему. Голос разума твердил ей, что это просто какой-то прохожий — может быть, сосед, — и ничего более.

Из-под подушки донеслось приглушенное звяканье. Рейчел схватила телефон и посмотрела на последнее сообщение от Эми.

«Преследователям выбирать не приходится, поддрруга».

Человек за окном исчез. Рейчел вздохнула с облегчением.

Когда голос Тейлор затих и телефон наконец перестал пищать, Рейчел решила вернуться к работе. Но тут она услышала другой шум. На этот раз его не издавало ни одно из ее устройств. Он доносился снизу.

Кто-то тяжелый и неторопливый шагал по лестнице.

Но это было невозможно. Она находилась дома одна. Раздались вступительные аккорды новой мелодии, но Рейчел быстро приглушила звук. Она си-

дела совершенно неподвижно, как щенок, ожидающий появления незнакомца у двери. Рейчел немного подождала, напряженно вслушиваясь в наступившую тишину.

И тут в комнате загремело. Рейчел вздрогнула и чуть не свалилась со стула от пронзительного писка поступившего сообщения. На этот раз Эми прислала только гифку с бородатым Крисом Эвансом, который заразительно смеялся. В другое время Рейчел тоже рассмеялась бы, но сейчас ее терзала тревога, от которой волосы на затылке встали дыбом. Чем дольше она вглядывалась в присланную гифку — лицо, искаженное бесконечным неистовым беззвучным смехом, — тем больше это пугало ее.

Как раз в тот момент, когда Рейчел собиралась отправить что-нибудь в ответ, она снова услышала шум. На этот раз звук раздался громче, и это точно были чьи-то шаги. Кто-то наступил на скрипучую доску пола между диваном и кофейным столиком.

Рейчел сделала глубокий вдох.

— Мама, это ты?

Ее мама отправилась в город на девичник с подругами. Она уехала всего час назад и вряд ли могла так рано вернуться. Но, может быть, она что-то забыла и спохватилась?

Рейчел цеплялась за эту мысль. Ее сердце бешено колотилось. Хотя подсознательно и понимала, что не слышала, как мамина машина подъехала к дому, как звякнула о столик в прихожей мамина связка ключей, как мама с шумом сбросила с ног сапоги и крикнула, что пришла домой, а ведь она привыкла всегда так делать.

Рейчел отложила телефон, подошла к двери и осторожно ее приоткрыла.

— Мама? — снова позвала она.

Когда ответа не последовало, Рейчел вышла из комнаты и прокралась по коридору к лестнице. Ее ноги в носках мягко ступали по покрытым ковром ступеням, пока она спускалась в гостиную.

Там кто-то был. И совсем не ее мама.

В противоположном конце комнаты стоял тот самый человек с улицы, одетый во все черное. Даже руки у него были в перчатках. Взглянув на его лицо, Рейчел вдруг поняла, почему прежде оно показалось ей таким бледным. То, что она приняла за кожу лица, на самом деле оказалось белой маской.

Тут Рейчел заметила другого мужчину. Он стоял у телевизора, одетый точно так же, как и первый. Они оба смотрели на нее через свои ужасные резиновые маски.

Мозг вытворяет любопытные вещи, когда внезапно сталкивается с тем, чего не может понять. Инстинктивным побуждением Рейчел было предложить мужчинам стакан воды, как ее учили поступать со всеми гостями. И сразу же пришло осознание: эти люди — не гости.

Первым порывом Рейчел было позвать на помощь, но все слова застряли в горле, застыли вместе с телом. Ей вдруг показалось, что она тонет в зыбучих песках и от любого движения лишь увязнет еще глубже.

Дальше стремительно произошли сразу две вещи.

Один из мужчин выскочил за дверь, пронесся сквозь нее, как будто его подхватил ветер. Второй

тоже двинулся, но не к двери. Он бросился к Рейчел, и она тут же стряхнула с себя оцепенение и побежала. Она думала только о задней двери на кухне, представляя, как распаивает ее, вырывается на волю во двор и убегает. Через мгновение фантазия обернулась реальностью. Рейчел оказалась на кухне, потянулась к двери, кончики пальцев почти коснулись дверной ручки.

Но тут мужская рука перехватила ее запястье. Рейчел поймали.

1

ГОД СПУСТЯ

КОГДА Я ОТКРЫЛА дверь, на пороге стояла Сандра с ослепительной улыбкой и в сияющем наряде.

— Собирайся, Рейчел, мы идем на вечеринку.

Мы с ней познакомились всего три недели назад, а она уже явилась ко мне без предупреждения, словно старинная подруга.

— Извини, я не могу. — Я была в пижаме и готовилась включить для поднятия настроения свой любимый фильм всех времен «*Ночь живых мертвецов*» и расслабиться. Кроме того, я ненавидела вечеринки. — Мама меня не отпустит, потому что завтра в школу.

Мама возникла за моей спиной подобно призраку в зеркале ванной комнаты.

— Формально на воскресный вечер это правило не распространяется, не так ли, Хамонада?

Это ласковое прозвище дала мне бабушка. Я пыталась отдать его обратно, но, похоже, возврату оно

не подлежало и, к тому же, понравилось моей маме. По-испански это означает «ветчина». Не в переносном смысле: «Эта девочка такая смешная и не по годам развитая — прямо лакомый кусочек!» В буквальном смысле: мясной продукт. И вот теперь Сандра услышала это слово, такие дела.

— Здравствуйте, мисс Чавес! — поприветствовала Сандра.

— Завтра в школу, — пробормотала я. — Так что, да, правило определенно распространяется на этот вечер.

— Но сегодня же у тебя не было уроков, — возразила мама. — Я бы сказала, что это спорная ситуация.

Сандра настойчиво закивала, а я уставилась на маму так, словно не она растила меня шестнадцать лет. Честно говоря, я не сразу догадалась, чего она добивается. И тут меня осенило: мою родную мать тревожит мое одиноко-отшельническое ничтожество.

— Но ты же хочешь, чтобы я отдохнула и взбодрилась перед завтрашними уроками, правда, мама? — процедила я сквозь зубы, как делают люди, когда хотят, чтобы кто-то понял намек.

На лице моей мамы появилась та ослепительная улыбка, с которой люди игнорируют чужие намеки.

— За выходные ты уже успела отдохнуть и взбодриться, дорогая.

Мы оказались в безвыходной ситуации. Мне хотелось провести вечер в компании живых мертвецов, а моя мама мечтала отправить меня погулять с живыми, но не мертвецами. Пора пускать в ход тяжелую артиллерию.

— Сандра, расскажи моей маме, где будет проходить вечеринка.

Рискованная просьба. Насколько я знала, Сандра хотела отвезти меня в особняк Грейси*, чтобы пообщаться с мэром, и с учетом того, в каких кругах она вращалась, это выглядело не так уж неподобно. Но все указывало на то, что обстановка на вечеринке будет отстойная.

— Давай, расскажи ей, — настойчиво повторила я, заметив, что Сандра колеблется.

— В заброшенном доме в Вильямсбурге, — ответила Сандра.

Я с триумфальным видом повернулась к маме, сияя, как свежеотполированный спортивный кубок.

— *Заброшенный дом в Вильямсбурге.* Слышала, мама?

Вызов был брошен. Мы с мамой уставились друг на друга в ожидании, кто сдастся первым.

— Желаю хорошо провести время! — пропела мама.

Моя собственная мать настроена против меня. Когда мы переехали в Нью-Йорк, она поставила мне лишь два условия: 1) хорошо учиться и 2) завести друзей. Тот факт, что Сандра стояла на пороге, должен был послужить для мамы достаточным доказательством того, что я завела друзей. Ну, ладно, одну подругу. В любом случае я выполнила невыполнимую задачу: подружилась с кем-то, перейдя в новую школу в предпоследний год обучения. Но для моей мамы вечеринка означала шанс найти

* Особняк Арчибальда Грейси — официальная резиденция мэра Нью-Йорка.

еще больше друзей, таким образом, меня потащат в Вильямсбург.

Я переоделась (несмотря на протесты Сандры, я отказалась снять пижамную рубашку-«варенку», но дополнила наряд обрезанными джинсами и курткой), и мы ушли.

— Можно пройтись пешком, — предложила я.

Мы находились в Гринпойнте, всего в одном квартале от места назначения, и погода стояла хорошая.

— Хочешь, чтобы нас убили? — фыркнула Сандра.

— Здесь довольно безопасно.

Сандра рассмеялась, выразив тем самым все, что думает обо мне и целом Бруклине, и достала телефон.

— Ну да. *Конечно.*

Такси прибыло меньше чем через три минуты.

Мы забрались на заднее сиденье, где Сандра одновременно делала дюжину селфи для обновления своих страниц во всех социальных сетях и рассказывала мне, кто будет на вечеринке. Так же она вела себя во время школьных обедов, когда пересказывала мне все сплетни о людях, которых я до сих пор с трудом могла вспомнить, столкнувшись в коридорах.

Сандра решила, что мы подружимся, с самого первого моего появления в Манчестерской школе на уроке истории у мистера Инзло. Когда я села за парту, Сандра наклонилась и попросила одолжить ей карандаш — я сразу догадалась, что это лишь предлог для разговора, так как заметила ка-

рандаш в открытом переднем кармане ее лавандового фирменного рюкзака.

Сначала я удивлялась, почему Сандре захотелось подружиться со мной, но быстро поняла почему. Она не могла мириться с тем фактом, что в ее классе появилась девочка, о которой никто ничего не знает. Отличительной чертой Сандры Клермонт, как я вскоре обнаружила, было жгучее стремление знать абсолютно все обо всех.

Так что в тот день я дала ей немного пищи для пересудов. До Манчестерской я ходила в государственную школу на Лонг-Айленде. Мы жили там с мамой, пока не переехали в Нью-Йорк.

В отличие от большинства местных учеников я не считалась богатой, не носила какую-нибудь громкую фамилию и не получала стипендиальную поддержку. Я попала в эту школу лишь потому, что моя мама устроилась сюда преподавать историю Америки для старших классов. Так что да — у моей мамы талант заставлять меня ходить туда, куда мне не хочется.

Но теперь, пока мы с Сандрой мчались к Вильямсбургу, мое нежелание идти на эту вечеринку переросло в панический страх. Мысль о том, что вокруг меня будет столько людей и ни один из них не заговорит со мной, заставила мое горло сжаться. Хуже всего было, что мне придется притворяться. Притворяться частью их мира, похожей на них. Я уже собиралась соврать Сандре, что чувствую себя не очень хорошо, но тут такси подъехало к дому. Сандра выскочила из машины, и я поплелась за ней.

Мы подошли к заброшенному дому, который выглядел прямо как декорации к фильмам про город-

ские страшилки конца 80-х. Все окна были заколочены досками, побитыми непогодой и испещренными граффити. На двери висели многочисленные таблички, на которых мелким шрифтом нас наверняка предупреждали держаться подальше. Дом был втиснут между закрытым складом и пустырем с табличкой «Продается» на сетчатом заборе.

На фоне мрачных стен маячило что-то светлое. На крыльце сидела девушка и читала книгу. Ее пальцы закрывали название на обложке, но по выглядывающим краям букв можно было угадать имя Стивена Кинга. Мне нравились фильмы по его романам. Может быть, мне удастся завязать разговор с этой девушкой. Может быть, вечеринка все же придется мне по душе.

— Привет, Фелисити! — обратилась к девушке Сандра.

Фелисити оторвалась от книги и сверкнула на нас глазами из-под короткой челки. На приветствие Сандры она не ответила.

— Хорошо, тогда пока. — Сандра взяла меня под руку и потянула вверх по ступенькам. — Пусть Фелисити Чу и дальше читает книжку на вечеринке.

Гостиную заполняли пара десятков людей, которые потягивали напитки, смеялись и шутили. Внутри дом выглядел не намного лучше, чем снаружи. Обои покрылись плесенью там, где еще не отвалились со стен, полы покрывал липкий линолеум, единственный свет исходил от мощных строительных ламп, в воздухе чувствовался запах асбеста. Но, похоже, это никого не волновало.

Я и сама не знала, что ожидала увидеть на вечеринке у богатых подростков, но уж точно не это.

Мне показалось забавным, что все они покинули свои уютные дворцы ради веселья в полуразрушенном доме.

— Пойду возьму выпивку, — сообщила Сандра, стараясь перекрычать музыку.

— Я с тобой, — ответила я, но она уже растворилась в толпе. Хуже похода на вечеринку, на которую тебе идти не хотелось, может быть лишь пребывание на этой вечеринке в одиночку. Я не собиралась торчать здесь, как одинокий буй, затерянный в море чужих друзей. Оставалось только одно: спрятаться в ванной.

Поднявшись по лестнице, я словно прошла через портал в другой мир. Звон стеклянных бутылок и грохот скверной поп-музыки затихли, поглощенные промозглой темнотой, сгущавшейся с каждым шагом. Обычно моя тревога рассеивалась, стоило мне удалиться из толпы в тихое место. Примерно то же самое происходит, если подышать в бумажный пакет, — быстрый способ успокоиться. Но не в этот раз.

Я постояла на верхней ступеньке лестницы, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте и смогут различать неясные очертания. Я включила телефон для подсветки, и этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, что коридор оклеен обоями в цветочек. Однако, когда я на ощупь двинулась дальше по коридору, блеклые лепестки цветов стали казаться мне жуткими, морщинистыми лицами ведьм.

При виде слегка приоткрытой двери у меня перехватило дыхание. В проеме сгустилась такая чернота, что обстановка внутри комнаты совсем не угадывалась, даже когда я попробовала посветить туда телефоном. За дверью мог скрываться человек и на-

блюдовать за мной, а я бы этого и не заметила. Это место действовало на нервы.

Мне следовало бы развернуться и уйти домой, но я же пришла на вечеринку. Я хотела быть обычной беззаботной и глупой девчонкой. А не той, кто шарахается от каждой тени. Поэтому я отбросила свои страхи и толкнула дверь.

Оказалось, что это как раз ванная комната. Внутри никого. Свет не включался, вода из крана не шла, было тихо. Я вытасила телефон и открыла «Инстаграм». Ничем хорошим посещение его страницы никогда не заканчивалось, но я не могла остановиться. Я понимала, что это вредно для меня, но все равно приняла очередную дозу яда.

Я открыла фотографию, на которой он со своим лучшим другом красовался в футбольной форме. Мой взгляд скользнул по прядям его волос, по его темно-янтарным глазам, прищуренным от ликования. И по ямочкам на щеках. Его широкая улыбка и эти ямочки на щеках действовали на меня как удар под дых. Под постом шли сотни комментариев от его друзей. Я уже перечитала их все по нескольку раз. Если я начну читать их сейчас, то это затянется на несколько часов.

Но тут я услышала чей-то голос. Поначалу слова было не разобрать, но в голосе слышалась сердитая интонация.

Очевидно, кроме меня наверху был кто-то еще. Я тихонько вышла из ванной и последовала на звук голоса в соседнюю комнату. Стало ясно, что на самом деле там находятся два человека, они разговаривали приглушенными, напряженными голосами. Спорили.

Дверь распахнулась, и я едва успела убраться с дороги, когда Брэм Уайлдинг вылетел из комнаты. Он меня не заметил, но, посторонившись, я врезалась прямо в Лакс Маккрей. На самом деле ни с кем из них я не была знакома, но они считались правящей элитой средней школы, а про таких популярных людей знаешь все, даже если лично вы не общались. Лакс и Брэм были местной влиятельной парой в Манчестерской школе.

Телефон выскользнул у меня из рук и запрыгал по ковру в коридоре. Свет падал на Лакс, словно она всегда, так или иначе, притягивала к себе лучи софитов, и подчеркивал угловатые черты ее лица, придавая ей схожесть с героиней с обложки книги Вирджинии Эндриус. Глаза Лакс округлились от удивления, но затем сузились.

— Какого черта?! — набросилась на меня Лакс. — Ты что, *шпионила* за нами?

— Нет!

— Не знаю, что ты там слышала...

— Я ничего не слышала.

Ее взгляд прошелся по мне, двигаясь от слипшихся Zаррос до растрепанного пучка густых каштановых волос, затем задержался на моем лице. Может быть, Лакс задавалась вопросом, почему у меня так много веснушек и почему бы мне не поискать какие-нибудь косметические советы, чтобы хоть слегка осветлить лицо?

В ответ я уставилась на нее. Мои естественные веснушки определенно выглядели грязью по сравнению с ее искусственными. Я определила, что у Лакс ненастоящие веснушки, потому что они были слишком круглыми, одинаково маленькими